

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

А. П. Григорьев

**КОНКРЕТНЫЕ ФОРМУЛЯРЫ
ЧИНГИЗИДСКИХ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ
XIII—XV вв.**

(I)

Жалованные грамоты дают богатый материал для характеристики производственных отношений феодального строя. Очень часто они являются уникальными источниками для целого ряда исторических построений. Советские историки постоянно привлекают для этих целей материалы русских жалованных грамот. Параллельно ведется большая работа по изучению внешней и внутренней формы этого вида исторических источников, по их классификации и публикации¹. Недавно советская дипломатика обогатилась трудом С. М. Каштанова, в котором разработаны теоретические принципы марксистской дипломатики как актового источниковедения и показан опыт их конкретного применения к русскому актовому материалу, в частности к материалу жалованных грамот².

Науке известны семь золотоордынских ярлыков XIII—XIV вв., сохранившихся лишь в русском переводе, и небольшое число золотоордынских, крымскоханских и казанских жалованных грамот XIV—XV вв. на языке оригинала, дошедших до наших дней в основном в дефектных и подчас сомнительных копиях³.

¹ См. об этом: Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II, М., 1951, стр. 97—225; С. М. Каштанов, К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот, — Исторический архив, 1956, № 3, стр. 211—217.

² С. М. Каштанов, Очерки русской дипломатики, М., 1970, 463 стр.

³ Их публикации см., например: ЗООИД, 1844, т. 1, табл. X; 1872, т. VIII. Прибавление к сборнику материалов, стр. 1—4, 11—12, 18—19 (о последней грамоте см.: А. П. Григорьев, Жалованная грамота Улуг-Мухаммеда, — сб. «Вопросы филологии стран Азии и Африки», вып. I, Изд.-во ЛГУ, 1971, стр. 170—177); «Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским», СПб., 1868, стр. 453; ЗВОРАО, 1889, т. 3, табл. I; В. Д. Смирнов, Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии, Симферополь, 1917, стр. 8—11, 13—14; «Памятники русского

Русские переводы золотоордынских ярлыков уже длительное время используются историками нашей страны в различных аспектах научных исследований⁴. Можно говорить об использовании восточных текстов названных жалованных грамот при изучении социально-экономической жизни Золотой Орды⁵. Тем не менее нельзя еще сказать, что тексты перечисленных источников до конца понятны ученым. Одна из основных причин этого факта заключается в недостаточной исследованности внутренней формы золотоордынских жалованных грамот, т. е. в недостаточной изученности их с точки зрения дипломатики.

Не имея уверенности в точности старинных переводов на русский язык золотоордынских актов, не зная, правильны ли сохранившиеся копии их восточных текстов, иногда даже сомневаясь в их подлинности, нельзя непосредственно производить анализ их внутренней формы. Необходимо, по нашему мнению, вначале заручиться схемами построения — формулярами такого же рода документов, подлинность текстов которых несомненна, а затем уже сравнить их с каждым из индивидуальных формуляров золотоордынских грамот.

Приступая к выполнению первой части намеченной выше программы исследований, мы избираем в качестве теоретической базы книгу С. М. Каштанова «Очерки русской дипломатики», а в качестве источников для составления формуляров — чингизидские жалованные грамоты XIII—XV вв.

Термин «чингизидская жалованная грамота» нуждается в пояснении. Под ним мы понимаем жалованную грамоту, исходящую от Чингиз-хана или его потомков, независимо от места выдачи грамоты. Выдана ли грамота в Монголии, Китае, Иране, Средней Азии, Поволжье или Крыму — все равно она именуется нами чингизидской, если выдавший ее монарх происходил из рода Чингиз-хана или претендовал на происхождение из этого рода. Как видим, термин этот весьма условен, но для наших целей он продуктивен и потому себя оправдывает. Монархи, бывшие «великими ханами» после Чингиз-хана, и правители отдельных, фактически самостоятельных областей, на которые распалась его империя, в своей внешней и внутренней политике постоянно опирались на непререкаемый авторитет своего подлин-

права», вып. III, под ред. проф. Л. В. Черепнина, М., 1955, стр. 465—470; «Казан утлары», 1965, № 8, стр. 147—148; A. N. K u g a t, Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler, İstanbul, 1940, стр. 173—185.

⁴ См. об этом: А. П. Григорьев, «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мөнгке-Темюра, — Уч. зап. ЛГУ», № 374, серия востоковед. наук, 1974, вып. 17, стр. 188—200.

⁵ См., например: Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 95—121; М. Г. Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, Саранск, 1960, стр. 72—100.

ного или мнимого предка и сознательно сохраняли чисто внешние атрибуты его власти. К последним относилась и канцелярская форма жалованных грамот, отдельные компоненты которой не претерпели значительных изменений за период от конца правления Чингиз-хана до распада Джучиева улуса — Золотой Орды (XIII—XV вв).

Теперь следует более точно определить предмет нашего исследования. Необходимо составить формуляры чингизидских жалованных грамот. Известно, что они могут быть четырех типов⁶. Какой из них больше подходит в данном случае? Нам представляется, что сравнивать в будущем схемы построения отдельно взятых текстов золотоордынских грамот с условным или абстрактным формулярами малоэффективно. Гораздо более продуктивным было бы сравнение индивидуальных формуляров золотоордынских грамот со схемами построения определенных небольших групп чингизидских жалованных грамот, т. е. с их конкретными формулярами. Таким образом, прежде всего мы должны составить конкретные формуляры чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв.

Первым и основным условием для их успешного составления является отбор источников. Для этой цели мы распределили уже опубликованные и, как правило, широко известные в науке чингизидские жалованные грамоты по группам, руководствуясь при этом хронологией, видом письменности и языком, на котором были созданы эти акты. Получились четыре группы документов — памятники уйгурского, квадратного, китайского и персидского письма. Первая группа включает в себя две подгруппы: грамоты на монгольском и тюркском языках; вторая — содержит акты лишь на монгольском языке; язык и вид письменности в третьей и четвертой группах совпадают по названию.

Немногочисленная первая группа актов может быть дополнена монгольскими документами эпистолярного характера, дошедшими до нас в подлинниках. Дело в том, что как раз такого рода документы более всего изучены с точки зрения формулярного анализа. Схемы их построения разрабатывали В. Л. Котвич, С. А. Козин⁷, Л. С. Пучковский⁸. Оказывается, что начальные компоненты формуляров писем Чингизидов, до адресанта включительно,

⁶ С. М. К а ш т а н о в, Очерки русской дипломатики, стр. 26.

⁷ С. А. К о з и н, Язык первого периода истории монгольской литературы. (По письмам персидских иль-ханов 1289—1305), — ИАН СССР, 1935, сер. VII, отделение обществ. наук, стр. 478, 499.

⁸ Л. С. П у ч к о в с к и й, Монгольские документы эпистолярного характера, — «Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год». Отдельные лит. и яз. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 31; е г о ж е, Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна (1289 г.) и Ульдзэйтү (1305 г.), — СВ, 1949, т. 6, стр. 396—422.

дословно совпадают с таковыми в их жалованных грамотах. Поэтому мы и включили в помещаемый ниже список жалованных грамот пять писем на монгольском языке, посланных в Европу персидскими ильханами, и одно тюркское письмо Тимурида к Узун-Хасану⁹.

Особенно большое значение для нашей темы имеет письмо монгольского великого хана Гуюка, посланное римскому папе Иннокентию IV в 1246 г. Основной текст его писан по-персидски, а первые три строки, в которые входят преамбула и адресант, — по-тюркски. Это, во-первых, самый ранний из сохранившихся документов Чингизидов как на тюркском, так и на персидском языках. Во-вторых, это письмо дает уникальные образцы преамбулы и адресанта на тюркском языке в документе, выданном великим ханом. В-третьих, эти же компоненты формуляра единственные в своем роде и с точки зрения вида письменности, который использован для их написания, — арабского алфавита. Последнее обстоятельство служит непосредственным связующим звеном между монгольскими документами Чингизидов и тюркоязычными документами их преемников в Золотой Орде и ее осколках — Казанском и Крымском ханствах. Исходя из изложенного, мы включили этот документ в состав памятников не только персидского, но и уйгурского письма на тюркском языке, ибо одного этого документа недостаточно для выделения специальной группы памятников арабского письма на тюркском языке, но и обойтись без него нельзя.

Известно, что письмо Гуюка было вначале написано по-монгольски, а затем переведено на тюркский и персидский языки¹⁰. На этом переводе, являвшемся противнем с монгольского текста и имевшем значение оригинала, в двух местах была оттиснута красная печать Гуюка. Текст на печати был составлен по-монгольски уйгурским письмом. Начало его дословно повторяет преамбулу и адресант самого письма, и потому мы сочли необходимым отметить этот документ в третий раз — в составе памятников уйгурского письма на монгольском языке.

Известны еще три письма на арабском языке персидских ильханов к мамлюкским султанам Египта, сохранившиеся в трудах арабского историка и географа ал-Макризи (1364—1442)¹¹. Эти

⁹ Выходные данные публикаций этих и последующих писем см. ниже, в списке источников.

¹⁰ Д ж. д е л ь П л а н о К а р п и н и, История монгалов. [Перевод с латинского А. И. Малеина], — «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 79.

¹¹ «Histoire des Sultans Mamlouks de l'Égypte», écrite en arabe par Taki-ed-din-Ahmed-Makrizi, trad. en français, et accomp. de notes par E. Quatremère, Paris, t. 1, 1837, стр. 101—102; t. 2, pt 1, 1842, стр. 160—162, 187—191; t. 2, pt 2, 1845, стр. 289—290, 295—298.

письма не включены в наш список источников, ибо, возможно, они являются лишь не совсем полными и не вполне точными переводами с монгольских оригиналов.

Для того чтобы в будущем, при составлении конкретных формуляров, не перемежать изложение громоздкими ссылками на выходные данные публикаций отобранных источников, кратко записываем их в пределах названных групп и подгрупп (обозначенных заглавными и строчными буквами русского алфавита) по такой схеме: порядковый номер грамоты (римскими цифрами, а для обозначения эпистолярных документов — арабскими цифрами); личное имя Чингизида — жалователя¹²; год выдачи грамоты¹³. В круглых скобках указываются: номер тома периодического издания (если в последнем имели место неоднократные публикации источников одним издателем); номера страниц (римскими цифрами), где помещена транскрипция текста (перепечатан текст оригинала, находится эстамп или фотография оригинала); страницы, на которых имеет место перевод грамоты на русский или какой-либо европейский язык; порядковый номер документа в цитируемой публикации.

На полученные таким образом условные обозначения чингизидских жалованных грамот и писем можно ссылаться в процессе формулярного анализа, не прибегая к постраничным сноскам, а лишь указывая в скобках букву группы документов и порядковый номер грамоты.

А. Памятники уйгурского письма

а) на монгольском языке

- I. Жена Ёгедя Төрегене, 1240 г. (фрагмент) (23, LXIX, 69)¹⁴
- II. Фрагмент (?) (16, XXVI, 26, № 1)
- III. Аргун (?), 1284—1291 гг. (16, XXVI, 26—27, № 2)
- IV. Абу Са'ид, 1320 г. (16, XXVII—XXVIII, 27—33, № 3)
- V. Эльбег, 1398 г. (DCCCXLV—DCCCXLVI, 846, № 197)¹⁵
- VI. Ёлджей-Темюр, 1408 г. (DCCCXLIII, 843—844, № 223)

¹² Написание личных имен Чингизидов дается по кн.: К. Э. Б о с в о р т, Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с англ. и прим. П. А. Грязневича, М., 1971.

¹³ В случае если дата выдачи грамоты неизвестна, проставляются годы правления этого Чингизида или приблизительное время составления документа.

¹⁴ Аа I—IV опубликованы: F r. W. C l e a v e s, The Sino-Mongolian Inscription of 1240, — HJAS, 1961, vol. 23, стр. 62—75; F r. W. C l e a v e s, The Mongolian Documents in the musée de Téhéran. — HJAS, 1953, vol. 16, № 1—2, стр. 1—107.

¹⁵ Аа V—VI опубликованы: G. J. R a m s t e d t, Mongolische Briefe aus Idiqut-Schähri bei Turfan, — SPAW, 1909, 32, стр. 838—848.

1. Гуюк, 1246 г. (XXII, 22)¹⁶
2. Абака, 1267 или 1279 г. (15, CDXXXIII, 434, № А)¹⁷
3. Аргун, 1289 г. (CCXXI, 220)¹⁸
4. Аргун, 1290 г. (15, CDL—CDLI, 451—452, № В)
5. Махмуд Газан, 1302 г. (15, CDLXX, 471, № С)
6. Мухаммад Худабанда Олджейту, 1305 г. (ССXXX—ССXXXI, 229—230)

б) на тюркском языке

- I. Шахрух, 1422 г. (CCLV, 255)¹⁹
- II. Умар-шайх, 1469 г. (03, 04)²⁰
1. Гуюк, 1246 г. (XXII, 22)²¹
2. Абу Са'ид, 1468 г. (CXCV—СС, 126—128)²²

Б. Памятники квадратного письма

(на монгольском языке)

- I. Мангала, сын Кубилая, 1276 г. (LX, 61, № 1)²³
- II. Айурпарибхадра Буянту, 1314 г. (LXIV, 65, № 2)
- III. Айурпарибхадра Буянту, 1314 г. (LXVIII, 69, № 3)
- IV. Айурпарибхадра Буянту, 1318 г. (XXIII—XXV, 25—26)²⁴
- V. Мать Кайшана Гюлюка — Да-цзы²⁵, 1321 г. (LXXII, 73, № 4)

¹⁶ Аа 1 опубликован: P. Pelliot, *Les Mongols et la papauté*. [Extrait de la «Revue de l'Orient chrétien», 3-e Série, t. 3 (23), № 1—2, (1922—1923), стр. 3—30], Paris, 1923.

¹⁷ Аа 2, 4, 5 опубликованы: A. Mostaert et Fr. W. Cleaves, *Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes*, — HJAS, 1952, vol. 15, № 3—4, стр. 419—506.

¹⁸ Аа 3, 6 опубликованы: E. Haenisch, *Zu den Briefen der mongolischen Il-Khane Argun und Öldjeitü an den König Philipp den Schönen von Frankreich (1289 u. 1305)*, — «Oriens», Leiden, 1949, II, 2, стр. 216—235.

¹⁹ Аб I опубликован: J. Deny, *Un soyragal du timuride Sährüñ en écriture ouigure*, — JA, 1957, t. 245, fasc. 3, стр. 253—266.

²⁰ Аб II опубликован: П. М. Мелиоранский, *Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха*, — ЗВОРАО, 1904, т. 16, стр. 01—012.

²¹ Аб 1 опубликован: P. Pelliot, *Les Mongols et la papauté*, Paris, 1923, 28 стр.

²² Аб 2 опубликован: A. N. Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler*, стр. 119—134, 195—200.

²³ Б I—III, V опубликованы: Н. Н. Поппе, *Квадратная письменность*, М.—Л., 1941, 166 стр.

²⁴ Б IV опубликован: M. Levicki, *Les inscriptions mongoles inédites en écriture sarrée*, Wilno, 1937 (Collectanea Orientalia, № 12).

²⁵ Так транскрибируется китайское написание имени этой особы. См.: А. М. Позднеев, *Лекции по истории монгольской литературы*, читанные

В. Памятники китайского письма

- I. Чингиз-хан, 1223 г. (5, CCCLXVIII, 368—371, № 1) ²⁶
 II. Öгедей, 1235 г. (9, CCCVII, 308—309, № 24)
 III. Жена Öгедея Тöрегене, 1240 г. (23, LXXV, 65) ²⁷
 IV. Мөнгке, 1255 г. (5, 377—380, № 3)
 V. Кайду, сын Мөнгке, 1257 г. (9, CCCLXVIII, 369—371, № 40)
 VI. Кубилай, брат Мөнгке, 1258 г. (5, 385—387, № 4)
 VII. Кубилай, брат Мөнгке, 1258 г. (5, 388—390, № 5)
 VIII. Кубилай, 1261 г. (5, 390—394, № 6)
 IX. Кубилай, 1261 г. (9, табл. XVII, 371—372, № 41)
 X. Кубилай, 1275 г. (9, CCCLXXIV, 373, 375—376, № 42)
 XI. Мангала, сын Кубилая, 1276 г. (9, CCCLXXVII, 376, 378, 381, № 43)
 XII. Кубилай, 1280 г. (9, CCCLXXIX—CCCLXXX, 381—384, № 44)
 XIII. Кубилай, 1281 г. (5, 395—403, № 7)
 XIV. Темюр Öлджейтю, 1296 г. (9, CCCLXXXVII, 386, 388, 390, № 46)
 XV. Темюр Öлджейтю, 1296 г. (9, CCCLXXXIX, 390—391, № 47)
 XVI. Темюр Öлджейтю, 1297 г. (9, CCCXCII, 391, 393—394, № 48)
 XVII. Темюр Öлджейтю, 1299 г. (9, CCCXCV, 394, 396—397, № 49)
 XVIII. Темюр Öлджейтю, 1305 г. (9, табл. XXI, 397—398, № 50)
 XIX. Кайшан Гюлюк, 1307 г. (9, CCCXII, 313—314, № 22)
 XX. Кайшан Гюлюк, 1309 г. (9, CDII *, 401—403, № 52) ²⁸
 XXI. Айурпарибхадра Буянту, 1311 г. (5, CDXIX, 420—422, № 9)
 XXII. Айурпарибхадра Буянту, 1314 г. (5, CDXXIII, 424—426, № 10)
 XXIII. Айурпарибхадра Буянту, 1314 г. (9, CDVI, 407—408, № 54)

в 1896/97 акад. году. Записал и издал студент Х. П. Кристи, СПб., 1897, стр. 117.

²⁶ В I—II, IV—XXXIII опубликованы: E d. C h a v a n n e s, Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole, — TP, série II, Leide, 1904, vol. 5, стр. 357—447; 1905, vol. 6, стр. 1—42; 1908, vol. 9, стр. 297—428.

²⁷ В III опубликован: E r. W. C l e a v e s, The Sino-Mongolian Inscription of 1240, стр. 62—75.

²⁸ Здесь и ниже звездочка после указанной страницы текста означает, что он напечатан на вклейке, помещенной между этой и последующей страницами.

XXIV. Айурпарибхадра Буянту, 1316 г. (9, CCCXLIII, 342, 344—345, № 34)

XXV. Айурпарибхадра Буянту, 1318 г. (9, CDVIII *, 408—410, № 55)

XXVI. Есюн-Темюр, 1324 г. (6, 40—42, № 17)

XXVII. Кушила Кутукту, 1331 г. (9, CCCXXVIII, 329—330, № 28)

XXVIII. Кушила Кутукту, 1331 г. (9, CCCXLVI, 345, 347, № 35)

XXIX. Тоган-Темюр, 1334 г. (9, CCCXXXIX, 338, 340, № 32)

XXX. Тоган-Темюр, 1335 г. (5, 438—441, № 13)

XXXI. Тоган-Темюр, 1335 г. (9, CCCXLI, 340, 342, № 33)

XXXII. Тоган-Темюр, 1335 г. (9, табл. XXVII, 413—416, № 57)

XXXIII. Тоган-Темюр, 1337 г. (9, CDXVI *, 416—418, № 58)

Г. Памятники персидского письма

I. Махмуд Газан, 1298—1304 гг. (CDXXVI—CDXXX, 242—243)²⁹

II. Махмуд Газан, 1304 г. (CDLXVI—CDLXXVI, 264—270)

III. Махмуд Газан, 1298—1304 гг. (CDXCVI—CDXCIX, 282—284)

IV. Махмуд Газан, 1298—1304 гг. (DX—DXVII, 292—295)³⁰

V. Ахмад, сын Увайса I, 1372 г. (CDLXV—CDLXVI, 467—468)³¹

VI. Хусайн Байкара, ок. 1488 г. (IXб—XIIа, 83—86, № 7)³²

VII. Хусайн Байкара, после 1498 г. (XXXVIIIб—XXXIXа, 94—95, № 31)

VIII. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (VIа—VIIа, 42—43, № 4)

IX. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XVIIIб—XIXа, 43—44, № 13)

²⁹ Г I—IV опубликованы: Фазлуллах Рашид-ад-дин, Джами-ат-таварих. (Сборник летописей), т. 3. Составитель научно-критического текста на перс. яз. А. А. Али-заде. Пер. с перс. А. К. Арендса, Баку, 1957.

³⁰ Все приведенные выше грамоты Махмуда Газана были выданы после 1297 г., ибо в первые три года правления (1295—1297) он был занят «устройством войска и устранением случившейся разрухи и беспорядков». Его грамоты тех лет позднее были признаны им же недействительными, и образцы их, естественно, не вошли в «Сборник» Рашид-ад-дина [стр. 506 (текст), 289 (перевод)].

³¹ Г V опубликован: H. M a s s é, Ordonnance rendue par le prince ilkanién Ahmad Jalair en faveur du cheikh Sadr-od-Dîn (1305—1392), — JA, 1938, t. 230, fasc. 3, стр. 465—468.

³² Г VI—XIX опубликованы: H. R. R o e m e r, Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Saraf-nâmâ des 'Abdallah Marwârdî in kritischer Auswertung. Persischer Text in Faksimile, Wiesbaden, 1952.

- X. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (CVIIa—CVIIб, 55—56, № 122)
 XI. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XXIIIa—XXIIIб, 57—58, № 17)
 XII. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XXXVa—XXXVIa, 60—61, № 28)
 XIII. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XXXIIa—XXXIIIa, 62—63, № 23)
 XIV. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (VIIa—VIIIб, 66—68, № 5)
 XV. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XLVб—XLVIб, 68—69, № 39)
 XVI. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (VIIIб—IXб, 69—70, № 6)
 XVII. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XXIIa—XXIIб, 77—78, № 16)
 XVIII. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XLIVa—XLIVб, 91—92, № 37)
 XIX. Хусайн Байкара, 1469—1506 гг. (XXVIб—XXIXб, 96—99, № 20)
 1. Гуюк, 1246 г. (XV—XVI, 16—21) ³³

Итак, у нас получился список, включающий в себя 74 документа. Эти документы разделяются на 65 жалованных грамот и 9 писем на языках: монгольском, тюркском, китайском, персидском и отчасти арабском. Если принять во внимание то обстоятельство, что в ряде случаев мы имеем параллельные тексты грамот и писем на разных языках (Aa I и B III, B I и B XI, B II и B XXII, B III и B XXIII, B IV и B XXV; Aa 1, Ab 1 и Г 1), то число грамот сокращается до 60, а писем — до 7. Некоторые грамоты дошли до нас в дефектном и даже фрагментарном виде.

Имея налицо список жалованных грамот, подобранных в языковом и хронологическом порядке, мы можем приступить к составлению их конкретных схем, т. е. формуляров определенных групп актов, индивидуальные формуляры которых совпадают либо целиком, либо частично. Неизвестно еще, совпадают ли целиком какие-нибудь формуляры разноязычных грамот нашего списка. Вместе с тем мы знаем, что начальные строки грамот, выданных Чингизидами одного ранга, совпадают по содержанию. Следовательно, если разбить все имеющиеся акты на группы по принципу высоты сана их жалователей, то формуляры этих групп и будут искомыми конкретными формулярами. Различные типы их выявятся в процессе анализа.

³³ Г 1 опубликован: P. Pelliot, *Les Mongols et la papauté*, Paris, 1923.

Будущие конкретные формуляры могут быть составлены из следующих групп названных выше источников: грамоты великих ханов (Аа II, 1; Аб 1; Б II—IV; В I—II, IV, VIII—X, XII—XXXIII; Г 1), грамоты улусных ханов и сыновей великих ханов (Аа III—IV, VI—VII, 2—6; Аб I—II, 2; Б I; В V—VII, XI; Г I—IV, VI—XIX), грамоты ханских жен и матерей (Аа I; Б V; В III). Особняком стоит грамота Ахмада, сына Увайса I (Г V), которую можно квалифицировать как грамоту сына улусного хана и рассмотреть отдельно ее индивидуальный формуляр.

После определения материала для дипломатического анализа следует расчленил тексты грамот каждой из групп на статьи. Статьи текста индивидуального формуляра обычно следуют в таком порядке: сакральные (посвящение), мотивировочные, содержащие обращение, уведомительные, описательные, договорные (клаузулы), указные, просительные, процессуальные, удостоверительные³⁴. Затем необходимо привести это членение в некоторое соответствие со схемой условного формуляра, компонентами которого являются: богословие, адресант, адресат, приветствие, преамбула, объявление, повествование, распоряжение, санкция, удостоверение, выходные данные, заключение³⁵. Первые четыре компонента составляют начальный протокол, последние два — конечный протокол. Остальные компоненты условного формуляра являются его основной частью.

В настоящей работе мы попытаемся с точки зрения дипломатики подвергнуть анализу статьи сакральные и статьи, содержащие обращение, соответствующих групп актов. В условном формуляре им соответствуют компоненты: богословие, адресант, адресат, приветствие. Статьи конкретных формуляров обычно имеют ряд более мелких подразделений³⁶. Простые статьи могут делиться непосредственно на элементы — отдельные понятия, образованные из одного или нескольких слов. В нашем случае статьи являются простыми, и потому их можно делить непосредственно на элементы, которые при сопряжении их с компонентами условного формуляра часто этим последним компонентам и соответствуют. Это обстоятельство позволяет нам в процессе формулярного анализа именовать отдельные статьи и их элементы терминами, принятыми для компонентов условного формуляра. Проанализировав раздельно все элементы каждой статьи конкретного формуляра, можно будет на завершающем этапе работы вновь объединить их в статьи, соответствующие членению конкретных формуляров, и после этого определить типы различных конкретных формуляров.

³⁴ См.: С. М. Каштанов, *Очерки русской дипломатики*, стр. 32.

³⁵ Там же, стр. 27—28.

³⁶ Там же, стр. 29—30.

Богословие — первый компонент условного формуляра, тождественный сакральной статье конкретного формуляра. Мы уже имели возможность заметить, что выражение типа: «Всевышнего бога силою» — не является собственно богословием, т. е. прославлением бога, а относится к преамбуле грамоты, ибо оно лишь обосновывает «божественным промыслом» право данного Чингизида на издание этого акта³⁷.

Богословия в чистом виде мы не находим в грамотах Чингизидов, написанных уйгурским, квадратным и китайским письмом. Объяснение этому явлению мы видим в следующих двух причинах. Прежде всего, грамоты первых монгольских ханов и не могли иметь богословия, ибо его исключала практика отправления древнемонгольского культа. По словам итальянского путешественника XIII в. Плано Карпини, «они (монголы. — А. Г.) веруют в единого Бога. . . однако они не чтут его молитвами или похвалами. . .»³⁸. Далее, не могли иметь богословия и грамоты более поздних Чингизидов-мусульман, написанные неарабским алфавитом, ибо прославлять бога мусульманам полагалось только на арабском языке и арабским письмом.

В памятниках персидского письма, созданных на основе арабского алфавита, мы видим иную картину. Все грамоты персидского письма принявшего ислам Чингизида Махмуда Газана (Г I—IV) имеют богословие в виде традиционного арабского коранического изречения: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!» (*Бисми-ллахи-р-рахмани-р-рахим*), которое сокращенно именуется «басмала»³⁹.

Итак, в формуляре чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв. компонент богословия, как правило, отсутствует. Богословие в виде басмалы имеет (или может иметь) место лишь в тех грамотах Чингизидов-мусульман, которые написаны арабским алфавитом, т. е. на языках арабском, персидском или тюркском (при этом собственно богословие пишется только по-арабски). Богословие не имеет никакой логической связи с последующими компонентами формуляра чингизидских грамот, свидетельствуя лишь о том, что адресант данной грамоты исповедовал ислам. Все сказанное о богословии условных формуляров целиком относится и к сакральным статьям конкретных формуляров.

Преамбула — второй компонент условного формуляра чингизидских жалованных грамот, соответствующий начальному элементу статьи-обращения конкретного формуляра.

³⁷ См.: А. П. Григорьев, «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мөнгке-Темюра, стр. 190—191.

³⁸ Плано Карпини, История монгалов, стр. 28.

³⁹ Подробнее о басмале см.: К. Kufgali, Besmele, — «İslâm ansiklopedisi», с. II, İstanbul, 1949, стр. 568—570; В. Сагга де Ваух (L. Gardet), Basmala, — «The Encyclopaedia of Islam». New edition, vol. I, Leiden — London, 1960, стр. 1084—1085.

По-видимому, все грамоты великих ханов имели преамбулы. В грамотах первых великих ханов (В I, II, IV) преамбулы не сохранились по той причине, что не дошли до наших дней оригиналы этих актов. Подтверждение тому мы видим в материалах «Сборника летописей» Рашид ад-дина, где высказывания Чингиз-хана обычно сопровождаются преамбулой: «Предвечного (или всевышнего) бога силою»⁴⁰. Сохранившиеся преамбулы грамот великих ханов включены в таблицу, дающую наглядное представление об их разновидностях (табл. 1).

В этой таблице и во всех последующих дается широко принятая латинская транскрипция монгольского текста грамот уйгурского письма. Тексты монгольских грамот квадратного письма транскрибируются применительно к их возможному написанию буквами уйгурского алфавита. Последнее обстоятельство вызвано стремлением к унификации транскрипции текстов одного языка. Той же причиной объясняется и транскрипция тюркских текстов, заимствованная из «Древнетюркского словаря», где одинаково транскрибируется арабское и уйгурское письмо⁴¹.

В табл. 1 мы выделили три разновидности преамбул великих ханов. Вторая разновидность является расширенным вариантом первой, ибо получается она путем прибавления к преамбуле первой разновидности еще одной строки. Смысл первой строки преамбул обеих разновидностей («Предвечного бога силою») достаточно ясен, чего, к сожалению, нельзя сказать о второй строке. Причина того, что смысл второй строки преамбулы не вполне понятен, заключается в слабой изученности содержания древнемонгольской религии. Приведенное в таблице толкование текста второй строки не может считаться окончательным.

Попытки реконструкции содержания древнемонгольской религии имели и продолжают иметь место в трудах отечественных и зарубежных ученых⁴². В этом плане весьма продуктивной представляется работа И. В. Стеблевой по реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы⁴³, ибо жизнь тюркских народов Центральной Азии в первые века нашей эры

⁴⁰ См., например: Р а ш и д - а д - д и н, Сборник летописей, т. I, кн. 2. Пер. с перс. О. И. Смирновой, М.—Л., 1952, стр. 209, 261.

⁴¹ См.: ДТС.

⁴² См., например: Д. Б а н з а р о в, Черная вера, или шаманство у монголов, — Собрание сочинений, М., 1955, стр. 48—100; Л. Н. Г у м и л е в, Поиски вымышленного царства. (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»), М., 1970, стр. 279—301; Р. R a t c h n e v s k y, Über den mongolischen Kult am Hofe der Grosskhane in China, — «Mongolian Studies», Budapest, 1970, стр. 417—443; J. A. B o u l e, Turkish and Mongol Shamanism in the Middle Ages, — «Folklore», London, 1972, Autumn, vol. 83, стр. 177—193.

⁴³ И. В. С т е б л е в а, К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы, — «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972, стр. 213—226.

теснейшим образом переплеталась с жизнью монгольских народов на той же территории.

К первому — высшему — уровню древнетюркской мифологии относится объект *Täpri* («небо» и «бог»), который воспринимается как обожествляемое небо, характеризующееся как невидимое и не участвующее в повседневных обыденных событиях жизни человека⁴⁴. Нетрудно заметить, что именно к этому объекту имеет прямое отношение первая строка обеих разновидностей преамбул грамот великих ханов.

Божество Умай, относящееся ко второму уровню древнетюркской мифологии, характеризуется чертами женского существа⁴⁵ и потому не имеет прямого отношения к нашей теме. Но вот к третьему уровню относится *Yduq jär sub* (священная земля-вода), для которой характерна прежде всего благодетельная функция. Духи земли-воды связываются с той сферой, в которой живет сам человек⁴⁶. Если гипотетически допустить, что в составляющей вторую строку второй разновидности преамбул великих ханов монгольской фразе: *yeke su jali-yin igegen-dür* — слова *su jali* суть позднейшая трансформация древнетюркских слов *jär sub* (земля-вода), то реконструированная таким образом строка будет означать: «великих [духов] земли-воды покровительством».

Приведенная выше реконструкция-допущение нуждается в более серьезной разработке. Преамбулы второй разновидности, написанной по-тюркски, мы пока не имеем. Поэтому в табл. 1 мы оставляем без изменения довольно туманный перевод второй строки: «великого благоденствия пламени покровительством».

Синологи могут справедливо заметить, что с китайского эту разновидность преамбулы нужно было бы перевести несколько иначе: «Предвечного неба силою, великого благоденствия покровительством», так как в китайском тексте вместо «бога» (не только в данном, но и во всех остальных случаях) мы имеем «небо», а «пламя» вообще отсутствует. Здесь мы руководствуемся следующими соображениями. Основой для формулярного анализа нам служат грамоты, написанные по-монгольски и по-тюркски. Канцелярская форма китайских актов, которая имеет свою самостоятельную историю развития, не всегда и не во всем совпадает с таковой в монгольских и тюркских грамотах Чингизидов. Поскольку статьи конкретных формуляров чингизидских грамот XIII—XIV вв., как монгольских и тюркских, так и китайских, совпадают и поскольку больше всего сохранилось именно китайских актов Чингизидов, мы вынуждены в ряде случаев использовать для формулярного анализа только китайский актовый ма-

⁴⁴ Там же, стр. 213—214.

⁴⁵ Там же, стр. 215.

⁴⁶ Там же, стр. 215—216.

Таблица 1

Равно-видность преамбулы	Транскрипция текста преамбулы			Русский перевод преамбулы	Шифры грамот
	монгольского	тюркского	китайского		
Первая	<i>Möngke tngri-yin kü- čün-dür</i>	<i>Meṅgü täṅri kü- čünä</i>	<i>Чан шэн тьянь чи ли ли</i>	Предвечного бога силюю	Аа 1; Аб 1; В VIII, IX, XIV
Вторая	<i>Möngke tngri-yin kü- čün-dür yеke su ṅali-yin iḡe- gen-dür</i>		<i>Чан шэн тьянь чи ли ли да фу инь зу чжу ли</i>	Предвечного бога силюю великого благоден- ствия пламени покровительством	Б II—IV; В X, XII, XIII, XV, XVI, XVIII, XX—XXIII, XXV, XXVI, XXX, XXXII, XXXIII
Третья			<i>Шан тьянь цзюань мин</i>	Всевышнего бога благозвонением	В XVII, XIX, XXIV, XXVII, XXXIX, XXXI

Таблица 2

Равно-видность преамбулы	Транскрипция текста преамбулы			Русский перевод преамбулы	Шифры грамот
	монгольского	китайского	арабского		
Первая	<i>Möngke tngri-yin küčün-dür qуan-и sudir</i>	<i>Чан шэн тьянь чи ли ли хуанди фу инь ли</i>	<i>Би күвати-лла- ти та'алл</i>	Предвечного бога силюю великого хана благодеиствием	Аа 2; В I; В V, VII, XI
Вторая			<i>Би күвати-лла- ва майамини-и- миллати-и-му- фаммадйа</i>	Всевышнего бо- га силюю мухаммеданской общины бла- годенствием	Г I, III, IV

териал. Однако там, где это представляется возможным, мы отдаем предпочтение текстам монгольским и тюркским.

Третья разновидность преамбул табл. 1, найденная пока лишь в грамотах китайского письма, состоящая из одной строки и гласящая: «Всевышнего бога благоизволением», в достаточной мере ясна для понимания. Мы уже имели возможность заметить, что выражение «Всевышнего бога изволением» сохранилось и в монгольском памятнике XIII в., хотя и не в актовом документе⁴⁷.

В таблицу не входит единственная в своем роде преамбула, сохранившаяся на фрагменте документа, составленного на монгольском языке уйгурским письмом (Аа II). Этот фрагмент был найден среди обрывков жалованных грамот ильханов Аргуна и Абу Са'ида (Аа III, IV) в Тегеранском музее. Текст преамбулы на фрагменте гласит:

Möngke tngri-yin kücün-dür
Muqamad baiqambar-un imad-tur
yeke su jali-yin igegegen-dür

Предвечного бога силою,
Мухаммеда пророка помощью,
великого благоденствия пламени покровительством.

Иными словами, преамбула-исключение представляет собой вторую разновидность преамбул табл. 1, дополненную строкой «Мухаммеда пророка помощью», разделяющей две «законные» строки монгольской преамбулы и свидетельствующей о приверженности к исламу автора этой грамоты. В то же время естественно допустить, что жалователь грамоты не был ильханом, ибо такая форма преамбулы была присуща только грамотам великих ханов. Следовательно, мнение П. Пельо⁴⁸ о том, что фрагмент Аа II является началом грамоты Абу Са'ида (Аа IV), не может быть принято.

В виде таблицы могут быть представлены и основные разновидности преамбул грамот улусных ханов и сыновей великих ханов (табл. 2).

В табл. 2 оказываются две разновидности преамбул. Очевидно, что грамоты верноподданных вассалов великих ханов снабжались преамбулами первой разновидности. Чингизиды, вышедшие из повиновения центральной власти и принявшие ислам, писали на своих грамотах преамбулы второй разновидности. Собственно, преамбулы обеих разновидностей разнятся лишь вторыми строками, которые во втором случае образованы путем ме-

⁴⁷ См.: А. П. Григорьев, «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мөнгке-Темюра, стр. 193.

⁴⁸ См.: Л. С. Пучковский, Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна (1289 г.) и Ульдзэиту (1305 г.), стр. 403.

ханической замены титула великого хана словами «мухаммеданская община». Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в преамбулах первой разновидности при титуле великого хана, как правило, не ставилось его личное имя. Исключение составляют грамоты, выданные в период правления Мӧнгке (В V, VII).

Если для грамот великих ханов характерно наличие преамбул, то этого нельзя сказать о грамотах улусных ханов и сыновей великих ханов. Грамоты улусных ханов уйгурского письма как на монгольском (Аа III—IV, VI—VII), так и на тюркском (Аб I—II) языках преамбул не имеют. То же можно сказать и о письмах этих Чингизидов (Аа 3—6; Аб 2), написанных уйгурскими буквами. Только самое раннее из них — письмо ильхана Абаки (Аа 2) — имеет преамбулу первой разновидности. Можно предположить, что именно уйгурское письмо служило препятствием для Чингизида — вассала великого хана помещать на своей грамоте преамбулу. Во всяком случае, грамоты квадратного, китайского, арабского и персидского письма таких ограничений, видимо, не имели. Отсутствие преамбулы в персидской грамоте Махмуда Газана от 1304 г. (Г II) объясняется, скорее всего, редакторской правкой грамоты при включении ее содержания в «Сборник летописей».

При рассмотрении преамбул грамот ханских жен и матерей надлежит руководствоваться следующим обстоятельством: формально жены и матери ханов не принадлежали к роду Чингизидов. Следовательно, если рассматривать преамбулу как морально-юридическое обоснование права автора документа на его составление, можно ожидать, что форма преамбул в грамотах ханш и высших должностных лиц из государственного аппарата Чингизхана и последующих великих ханов будет одинаковой. Обратимся к источникам.

В настоящее время мы располагаем лишь двумя грамотами жен и матерей великих ханов. Материала явно недостаточно для того, чтобы элементы формуляров этих грамот можно было бы объединить в таблицы.

Преамбула грамоты жены Ӗгедея ТӖрегене (1240) на китайском языке гласит: *Хуанди шэн чжи ли* (В III), что значит: «По повелению великого хана». Точно такую же преамбулу мы встречаем в 15 документах государственных деятелей и официальных учреждений Монгольской империи, написанных между 1220 и 1366 гг. и опубликованных Э. Шаванном⁴⁹. В преамбуле этих

⁴⁹ E d. S h a v a n n e s, *Inscriptions et piéces de chancellerie chinoises de l'époque mongole*, vol. 5, стр. 405, № 8; стр. 442, № 14; стр. 444, № 15; vol. 9, стр. 304, № 19; стр. 320, № 25; стр. 323, № 26; стр. 326, № 27; стр. 356, № 37; стр. 362, № 38; стр. 365, № 39; стр. 399, № 51; стр. 410, № 56; стр. 418, № 59; стр. 421, № 60; стр. 426, № 61.

документов прослеживается уже отмеченная в преамбулах грамот улусных ханов и сыновей великих ханов особенность: личное имя великого хана приводится наряду с его титулом только в грамотах, относящихся к периоду правления Мбнґке (1251—1259)⁵⁰.

Грамота матери Кайшана Гюлюка — Да-цзы (Б V), написанная в 1321 г. по-монгольски квадратным письмом, имеет преамбулу, дословно повторяющую преамбулы первой разновидности, употреблявшиеся улусными ханами и сыновьями великих ханов (см. табл. 2). Пока остается лишь гадать, является ли эта преамбула исключением или правилом для грамот матерей великих ханов, возведенных ими в ранг императриц.

Дошедшая до наших дней в подлиннике, хотя и в несколько поврежденном виде, персидская жалованная грамота Джалаирида Ахмада, сына Увайса I (Г V), от 1372 г. относится к разряду грамот сыновей улусных ханов. Она единственная в этом разряде, так что нам остается рассматривать лишь ее индивидуальный формуляр. Грамота Ахмада преамбулы не имеет.

Следующими по порядку компонентами условного формуляра чингизидских жалованных грамот являются адресант и указ, которые соответствуют последующим элементам статьи-обращения конкретного формуляра. Указ, который в чингизидских жалованных грамотах является своеобразным заменителем приветствия, так органично слит с адресантом, что и рассматривать оба эти элемента целесообразно вместе.

Если преамбула чингизидских жалованных грамот являлась лишь не всегда обязательным придатком к адресанту, то адресант и указ этих документов были компонентами, без которых ни одна грамота существовать не могла.

Разновидности адресантов грамот великих ханов приведены в табл. 3. Первая разновидность адресантов представлена китайской грамотой Чингиз-хана (В I). Независимо от того или иного решения до сих пор еще спорного вопроса об этимологии слова *чингиз* несомненно то, что сочетание *чингиз-хан* воспринималось современниками Темучина как «великий хан». По-китайски это сочетание передавалось формой «Чэн Цзы-сы хуанди». Грамота сына Чингиз-хана Огедея (В II), так же как и грамоты последующих великих ханов (Б II—IV; В VIII—X, XII—XXXIII), свидетельствует о том, что эти монархи довольствовались в своем титуле только китайским словом *хуанди* или монгольским — *каган*, т. е. «великий хан».

Возможно, что такого рода титулатура великих ханов стала обязательной лишь со второй половины XIII в., а до этого времени в грамотах великих ханов встречались и другие титулы. Так, письмо Гююка от 1246 г. (Аа 1; Аб 1) дает по-монгольски

⁵⁰ Там же, т. 9, № 37—39.

Таблица 3

Разновидность адресанта	Транскрипция текста адресанта и указа			Русский перевод адресанта и указа	Шифры грамот
	монгольского	тюркского	китайского		
Первая			<i>Чэн Дэнь-сы жуанди шэн чжи</i>	Великого хана повеление наше	В I
Вторая	<i>Үеке монгол улусун далай-ин гани жар-ийү [ману]</i>	<i>Kür ulu ulusnu taluñnu хан жар-ийүмиз</i>		Великого монгольского улуса великого хана повеление наше	Аа 1; Аб 1
Третья	<i>Қаған жар-ийү мани</i>		<i>Хуанди шэн чжи</i>	Великого хана повеление наше	Б II—IV; В II, VIII—X, XII—XXXIII

Таблица 4

Разновидность адресанта	Транскрипция текста адресанта и указа			Русский перевод адресанта и указа	Шифры грамот
	монгольского	тюркского	китайского		
Первая	<i>гуапу-ји <...> ваку үге мани</i>		<i>[...] тайцзы (жуанцзы <...> ван) лин чжи</i>	<i>[...] наследного принца (принца крови <...> хана) указ наш</i>	Б I; В V, XI
Вторая	<i>[...] багатур (сультан) үге мани</i>	<i>Sultan [...] багатур (batur, gürgan) sözüм</i>	<i>Фарман-и сумтан [...]</i>	<i>Хана [...] богатыря (гургана) указ наш (мой)</i>	Аа IV, VI, VII, 2, 3, 5, 6; Аб I, II, 2; Г I—IV

и по-тюркски следующий образец титула: «Великого Монгольского улуса великий хан», где определение «великий», весьма вероятно, передается по образцу грамоты Чингиз-хана словом, обозначающим «океан», «море». Грамота Мөнгке (В IV) не сохранила адресанта, но если судить по дошедшим до нас китайским документам времени его правления, о чем уже говорилось выше, то Мөнгке, возможно, титуловался в своих грамотах наподобие Чингиз-хана, хотя сходство здесь было чисто формальное, ибо «чингиз» — титул, а Мөнгке — личное имя. Не исключена, впрочем, и возможность понимания этого личного имени в его первоначальном значении — «вечный». Тогда титул «мөнгке-хан» мог восприниматься современниками этого монарха как «вечный хан».

Обратимся к элементу «указ» в табл. 3. Для монгольского и тюркского текстов грамот великих ханов указ был единообразным — «повеление наше». *Шэн чжи* китайских грамот — термин, специально применявшийся для обозначения указов, исходивших от особы императора, — можно перевести словами «священный указ» без всяких притяжательных местоимений. В связи с тем что он применялся как китайская параллель монгольского термина, то и его мы, в целях достижения единообразия, передаем по-русски как «повеление наше».

Разновидности адресантов и указ грамот улусных ханов и сыновей великих ханов представлены в табл. 4. Для данной группы грамот характерно присутствие в адресанте личного имени. Только грамота Мангалы, сына Кубилая (Б I; В XI), не имеет в адресанте личного имени. Мы заменяем личное имя в таблице знаком [. . .].

В качестве первой разновидности адресантов мы отбираем адресанты в грамотах сыновей великих ханов. У нас наличествуют всего две грамоты сыновей. Одна из них, выданная Мангалой, сыном Кубилая (Б I; В XI), имеет параллельные монгольский и китайский тексты, но не имеет в адресанте личного имени жалователя. Видимо, в данном случае имя заменяет другая реалья — название географического объекта, которым владеет этот Чингизид на правах хана (вана). Название географических объектов здесь и в дальнейшем мы будем обозначать знаком < . . >. Собственно, в числе адресантов первой разновидности у нас представлены два различных адресанта. Первый, видимо, был характерен для наследных принцев (кит. *тайцзы*), а второй — лишь для «простых» принцев крови (кит. *хуанцзы*). Слово *тайцзы* ставилось после личного имени, а слово *хуанцзы* предваряло владетельный титул сына великого хана.

Возможно, что еще одну разновидность адресантов представляли грамоты братьев великих ханов. В нашем списке источников есть две грамоты Кубилая, брата Мөнгке (В VI, VII). Первая из них не сохранила адресанта, а вторая имеет адресант, припи-

санный явно позднее — после того как Кубилай стал великим ханом.

Во вторую разновидность адресантов этой группы актов мы включили адресанты грамот улусных ханов. Все эти адресанты несут в себе личное имя жалователя. Часто личные имена Чингизидов сопровождаются равнозначными титулами «хан» или «султан», которые стоят после имени в грамотах, написанных по-монгольски (Аа IV, 6). В тюркских и персидских грамотах они предшествуют имени (Аб II, 2; Г I—IV). Иногда вместо указанного титула, а чаще наряду с ним, личное имя Чингизида дополняется почетным прозвищем «богатырь» (Аа IV; Аб I, II) или «зять» (*гурган*, монг. *küregen* — Аб 2). Последнее прозвище знаменует собой приобщение к роду Чингизидов через посредство женитьбы на монгольской принцессе. Прозвища всегда ставятся после личного имени, в монгольских документах они предшествуют титулу «хан».

Указ для этой группы актов единообразен. Везде мы переводим его словами «указ наш (мой)». На этом переводе, видимо, стоит остановиться и всем последующим переводчикам чингизидских жалованных грамот. Общепринятый в русской и советской научной литературе перевод монгольского сочетания *üge tanu* как «слово наше» и тюркского *sözüm* как «слово мое» после проведенного дипломатического анализа уже не может считаться отвечающим существу дела. Прежде производился дословный перевод слов *üge* и *söz*, ибо тогда эти слова рассматривались лишь в их изначальном значении. Теперь следует видеть в них прежде всего элемент статьи-обращения конкретного формуляра или компонент условного формуляра. В обоих случаях это — указ. Если мы переводим указ грамот великих ханов (для монгольского и тюркского текстов это — «ярлык», изначальное значение которого также «слово», «речь») словом «повеление», то для вассалов великих ханов больше подходит слово «указ».

Отметим еще, что при переводе на русский язык монгольских и тюркских грамот этой группы притяжательные местоимения первого лица при слове «указ» будут иметь разные числа. В монгольских грамотах везде будет «указ наш», а в тюркских — «указ мой». Видимо, Чингизиды-вассалы, писавшие грамоты по-тюркски, обязаны были и этим формальным моментом подчеркивать свою зависимость от монгольских великих ханов. Мы уже видели, что перевод указа великого хана на тюркский язык полностью сохранял его внешнюю форму — «повеление наше» (Аб 1). Что же касается перевода указа в китайских грамотах сыновей великих ханов, то (несмотря на то что китайский термин *лин чжи* специально обозначал документы, исходившие от императорских сыновей), рассматривая тексты этих актов как противни монгольских грамот, мы передаем по-русски *лин чжи* как «указ наш».

Приведенные выше соображения относятся и к персидскому слову *фарман*, переводимому нами как «указ [мой]».

Рассмотрев адресанты и указы грамот ханских жен и матерей, мы убеждаемся в том, что теперь приходится объединять названные элементы грамот жены Огедея Тöрегене (В III) и матери Кайшана Гюлюка — Да-цзы (Б V).

Адресант и указ грамоты Тöрегене гласят: < . . . > *екэ хэдунь да хуанхоу ичжи бин фэйцзы ичжи*. Здесь даны параллельно монгольский (*екэ хэдунь*) и китайский (*да хуанхоу*) титулы жены великого хана, которые можно перевести словами «великая императрица». Слово *фэйцзы* значит «наложница», а *ичжи* — термин, означающий, что данный указ исходит от императрицы. Таким образом, оба названных элемента можно перевести так: «великой императрицы и наложницы указ». Выяснение причин, побудивших Тöрегене внести в свой адресант слово «наложница», переадресуем более внимательному исследователю индивидуального формуляра этой грамоты. Адресант и указ грамоты Да-цзы предельно кратки и понятны: *yuan-y-thai i-ji man*, т. е. «императрицы указ наш».

Обратившись к индивидуальному формуляру грамоты Ахмада, сына Увайса I (Г V), замечаем, что грамота эта не имеет указа, как такового, а адресант ее содержится в виде приписки-подписи личного имени жалователя в самом конце грамоты.

Таким образом, мы закончили формулярный анализ таких элементов статьи-обращения конкретных формуляров чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв., как преамбула, адресант и указ. К общим выводам из этого анализа нам еще предстоит вернуться после того, как будут рассмотрены оставшиеся элементы статьи-обращения. Однако это уже тема нашей следующей работы.

Осуществление данного исследования было бы невозможно без дружеской помощи ученых восточного факультета Ленинградского университета. Транскрипции и переводы китайских, монгольских, арабских, персидских текстов принадлежат соответственно В. Ф. Гусарову и Б. Г. Дорониному, З. К. Касьяненко, О. Б. Фроловой, Ч. А. Байбурди. Автор приносит названным товарищам свою искреннюю благодарность.